

КОГДА ЧАСЫ ГРОБЬЮТ ТРИНАДЦАТЬ

ИИ

Камелия Блэк

Камелия Блэк

Когда часы пробьют тринадцать

«Автор»

2026

Блэк К.

Когда часы пробьют тринадцать / К. Блэк — «Автор», 2026

Что, если календарь вычеркнет целый день — и только вы заметите? В последний вечер октября Ника слышит тринадцатый удар часов. После него ночь перестаёт кончаться: улицы повторяются, тыквенные огни меняют цвет, а в календаре проступает трещина. И среди невозможных повторов появляется письмо из дня, которого будто не было. Чтобы вернуть утро, Нике придётся понять, что можно считать доказательством, кому принадлежит память и вправе ли спасение одного требовать чужой жертвы. Здесь внимательность важнее догадок, воспоминания — больше даты, а трудный выбор нельзя переложить на другого. «Когда часы пробьют тринадцать» — атмосферное фэнтези о времени, утрате и связи между людьми. Для тех, кто любит тайны осенней ночи и истории, после которых хочется бережнее относиться к памяти — своей и общей. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Блэк К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Последний октябрьский вечер	6
Тринадцатый удар	11
Трещина на листе календаря	15
Ночь, которая не кончалась	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Камелия Блэк

Когда часы пробьют тринадцать

Когда часы пробьют тринадцать

Камелия Блэк

Последний октябрьский вечер

Последний вечер октября всегда пахнет сразу тремя вещами: мокрым камнем, корицей и тем особым дымком, который остаётся на пальцах после вырезанной тыквы. В городе говорили, что это запах границы между осенью и зимой. Ника считала, что люди просто любят давать красивое имя тому, чему не умеют найти объяснение.

Она шла по брусчатке, придерживая под мышкой свёрток с инструментами. Дождь кончился ещё до заката, но улицы блестели, словно кто-то покрыл камни тонким слоем чёрного лака. В окнах горели оранжевые фонари: одни — круглые, с треугольными глазами, другие — кривоватые, будто тыквы смеялись над резчиками. Между ними мелькали бумажные маски — летучие мыши, коты, беззубые старики. Дети бежали за взрослыми, взрослые делали вид, что вовсе не спешат за детьми.

От лотка у площади тянуло горячим сидром. Ника узнала запах корицы, гвоздики и яблочной кожуры и поняла, что Лев уже заметил его тоже: брат замедлил шаг и повернул голову так выразительно, будто его позвали по имени.

— После башни, — сказала Ника.

— Ты всегда говоришь «после башни», когда хочешь отказать.

— Неправда. Иногда я говорю «сначала доделаем дело».

Лев вздохнул с видом человека, которому приходится жить среди взрослых, хотя ему было всего восемь. На голове у него сидела бумажная маска ворона. Одно крыло отогнулось, и Ника, не останавливаясь, прижала его большим пальцем.

Она умела чинить порванные страницы. Не просто склеивать края — это мог каждый, у кого была липкая лента и достаточно терпения, — а возвращать листу его прежнюю прочность, не делая шва заметнее самой трещины. Учительница переплётного дела госпожа Рута говорила, что у Ники «руки, которые сначала спрашивают у бумаги, чего та хочет». Ника считала это красивым способом сказать, что она не торопится.

На пальцах у неё остались белёсые следы клейстера. В кармане лежал узкий костяной шпатель, в свёртке — нитки, складной нож и маленький пузырёк крахмального клея. Она проверила всё это дважды, как проверяла каждое утро, закрыла ли мастерскую. Практичность была удобной привычкой: пока заняты руки, тревоге труднее за них ухватиться.

С башни доносился глухой звон колоколов. До полуночи оставалось ещё много времени. По городской традиции последнюю страницу октябрьского календаря в башне переворачивали только после двенадцатого удара. Старый лист был огромный, почти в рост Льва, и висел на стене нижнего зала под стеклом. Ника помогала чинить его переплёт, поэтому у неё был ключ. Сегодня ей поручили проверить, не отошёл ли корешок, а заодно передать хранителю башни тонкую бумагу для новой страницы ноября.

Отец перед сменой на типографии завернул им бутерброды, поправил Льву шарф и трижды напомнил не бегать по винтовой лестнице. Он не сказал, что будет ждать их возвращения. Ника тоже не сказала, что знает: он всё равно не ляжет спать, пока они не переступят порог.

В доме у них вообще многое понимали без слов. Например, что третью чашку на полке не нужно убирать, хотя пить из неё давно никто не пил. Или что имя Элины лучше не произносить за ужином, если только Лев не спросит первым.

Мать исчезла тринадцать лет назад, в ночь на первое ноября. Ника была слишком мала, чтобы помнить её лицо как следует. В семейном альбоме остался снимок: Элина сидела на подоконнике, придерживая ладонью волосы, которые ветер выбросил ей на щёку. На обороте отец написал год и ничего больше. Ника иногда пыталась вспомнить материнский голос, но каждый раз обнаруживала, что слышит только то, как отец зовёт её к столу.

Лев матери не знал. Он носил её имя на одном из старых календарных листов, приклеенных в мастерской: Элина собственноручно подписала год своего рождения, и Ника однажды заметила, что у буквы «Э» нижняя дуга похожа на раскрытый крючок. Брат называл фотографию «женщиной с ветром» и не задавал вопросов, если рядом был отец.

В башне пахло пылью, холодным железом и древесиной, которая много лет впитывала чужие шаги. Ника зажгла фонарь. Лев снял маску и повесил её на шнурок, чтобы не потерять. На стене под стеклом лежал октябрьский лист: плотная бумага, выцветшие цифры, по краям — мелкие надрывы, которые Ника за неделю закрыла тонкими полосками японской бумаги.

Она остановилась ещё до того, как подошла вплотную.

— Ты чувствуешь? — спросила она.

Лев принялся.

— Сидр?

— Нет. Здесь.

Лист пах дождём.

Не сыростью, не плесенью и не мокрой тряпкой, которыми протирали стекло. Именно дождём — свежим, только что прошедшим над тёплой землёй. Ника проверила стекло. Сухое. Провела пальцем по деревянной раме. Сухая и она. Открыла маленькую дверцу сбоку и приложила ладонь к бумаге: та была холодной, но не влажной.

Бумага, конечно, могла менять запах. Целлюлозные волокна впитывают и отдают влагу из воздуха; вместе с ней лист удерживает запахи дерева, клея, пыли. Запах после дождя тоже не возникает из ничего: его создают вещества из почвы и растений, поднятые в воздух каплями. Возможно, этот лист долго лежал у наружной стены. Возможно, в башню тянуло из щели. Ника проверила щель.

Ничего.

— Ника, может, это духи? — спросил Лев.

— У бумаги нет духов.

— У людей есть. Может, бумага тоже решила?

Она посмотрела на брата. Его маска висела на груди, а в глазах отражался фонарь.

— Сначала проверяем то, что можно проверить, — сказала она. — Потом придумываем объяснения.

Это правило она переняла у госпожи Руты. Та учила новых учеников не путать наблюдение с догадкой. Ника достала карманный блокнот и показала Льву страницу, где уже записала: «Лист сухой. Запах дождя. Рама сухая».

— Давай упражнение. Когда что-то кажется странным, запиши три вещи. Первое: что ты точно заметил. Второе: что только предположил. Третье: какую простую проверку можно сделать.

Лев нахмурился, стараясь принять это всерьёз.

— Я точно заметил, что ты всё записываешь.

— Верно.

— Я предполагаю, что ты не хочешь покупать сидр.

— Тоже верно, хотя к делу не относится.

— Проверка простая: спросить ещё раз.

Ника улыбнулась. Упражнение было не волшебством и не защитой от неприятностей. Просто оно помогало не позволять страху разрастись быстрее фактов. Она записала и этот пример, чтобы Лев понял: практичность тоже может быть игрой.

Сверху раздался неровный ход часов.

Тик. Тик-так. Тик.

Ника подняла голову. В башне стояли старые часы с большим маятником и гирями, заключённые в стеклянную клетку. Их механизм был виден с площадки: латунные колёса,

стальные зубцы, длинная тяга, медленно качающийся маятник. Обычная работа, если не считать того, что маятник должен был качаться ровно.

— Они всегда так звучат? — спросил Лев.

— Нет.

Ника сверилась с маленькими часами на запястье. Башенные спешили на минуту. Она слышала подобное раньше: нерегулярное тиканье часто означало, что маятник задевает корпус, что в механизме накопилась пыль или что изнашивался какой-нибудь шарнир. Часы не были живыми. Им не полагалось менять привычки без причины.

Она поднялась на площадку. Лев последовал за ней, держась за перила. Ника велела ему остаться у двери, а сама прислушалась к механизму. Сначала тикание казалось обычным, но промежутки между ударами слегка различались. Маятник ходил свободно; грузы висели на цепях; стекло не дрожало. Ника осмотрела крепления фонарём, не трогая движущиеся части.

На циферблате, между римскими XII и I, появилась тонкая черта.

Ника отступила на шаг.

Она знала это лицо часов так же хорошо, как знала лицо своей мастерской. Каждый день, проходя по башенной лестнице, она видела крупные цифры и отметки минут. Между двенадцатью и часом не было отдельного деления. Только сейчас на тёмном металле проступал узкий штрих, будто кто-то осторожно провёл по нему иглой.

Она сменила угол. Черта осталась.

— Это царапина? — спросил Лев.

— Возможно.

— А если не царапина?

— Тогда сначала выясним, что это.

Ника подошла к календарю на стене. На миг ей показалось, что цифры октября стали бледнее, но моргнула — и лист выглядел как прежде. Она снова уловила запах дождя. На этот раз сильнее.

В механизме что-то щёлкнуло.

Часы пропустили удар, потом дали два быстрых тика подряд. Ника почувствовала, как мышцы на спине напряглись. Она уже почти решила, что всему виной старый регулятор хода, когда заметила движение стрелки: минутная дрогнула, замерла, затем поползла дальше.

— Спешат, а теперь отстают, — сказал Лев.

— Не обязательно. Может, маятник теряет амплитуду.

— Это значит, что он устал?

— Это значит, что ему что-то мешает.

Слово «что-то» повисло в воздухе дольше, чем следовало.

Ника открыла служебную дверцу корпуса. Так учила госпожа Рута: сначала осмотреть, потом менять что-либо. Не толкать маятник, не хвататься за колёса, не тянуть за гирю. Маленькое усилие в неправильном месте могло погнуть зубец или нарушить сцепление деталей — тогда простая неисправность превращалась в большую. Ника закрепила фонарь на крючке и заглянула внутрь.

Там было темно, тесно и пахло металлом. Она провела светом по зубчатым колёсам, по оси, по рычагу спуска. Ничего не застряло. На нижней перекладине виднелась пыль, но не настолько, чтобы остановить часы. Маятник качался медленнее, чем должен был, однако ничто не задевало его путь.

Тогда Ника увидела бумагу.

Крошечный обрывок зажал между внутренней пластиной и зубчатым колесом. Он был размером с ноготь, белый, с рваным краем. Под фонарём проступали две синие линии и часть цифры — то ли восьмёрки, то ли тройки. Обрывок не мог попасть туда сам. Корпус был закрыт, а механизм защищён стеклом. Бумага не должна была находиться в часовом устройстве вовсе.

Ника задержала дыхание. Она не стала вытаскивать клочок пальцами. Сначала выключила фонарь, снова включила, проверила, не меняется ли тень. Потом прислушалась: тиканье шло с той же стороны. Лишь после этого взяла тонкий пинцет из своего набора.

— Это часть календаря? — спросил Лев.

— Похоже на то.

— Как она туда попала?

— Пока не знаю.

— А если её разорвало сами часы?

Ника посмотрела на него. Это было разумное предположение. Не самое вероятное, но разумное. Лист мог оторваться от старого календаря, просочиться через щель в корпусе, попасть внутрь во время прежнего ремонта. Можно было найти много простых объяснений. Она перечислила их про себя, как училась, когда тревога пыталась занять всё место в голове.

Ника осторожно подхватила обрывок пинцетом. Бумага легко отделилась от металла. На её сухой поверхности выступила крошечная блестящая точка, словно капля, но на пальцы не попала ни одна влага. От клочка пахло дождём.

Она опустила его на чистую карточку и сложила края карточки внутрь. Не стала рассматривать цифры подольше, чем нужно: от света и дыхания ветхий лист мог разрушиться. Потом отметила в блокноте время, место и положение обрывка. Так поступают с вещами, которые не понимают, — не потому, что они непременно чудесные, а потому, что неведение не освобождает от аккуратности.

Внизу город шумел, смеялся, звенел жестяными ведёрками. С улицы доносились детские голоса и запах горячего сидра. А в башне тикание становилось всё более неровным. Ника посмотрела на часы. До полуночи оставалось семь минут.

— Мы можем уйти? — спросил Лев.

Вопрос прозвучал не по-детски. Ника поняла, что он не про лестницу. Он хотел знать, можно ли сейчас оставить всё как есть: календарь, часы, тринадцать лет молчания, странный запах. Можно ли просто вернуться к отцу, выпить сидра и не разглядывать, как ночь подступает к дверям.

— Можем, — ответила она. — Но сначала я должна убедиться, что механизм безопасен.

Она закрыла дверцу, не запирая её, чтобы не создавать лишнего давления на корпус. Спустилась к календарю и проверила крепление листа. Бумага держалась ровно. Рама была сухой. Дождевой запах не исчез.

Отец всегда говорил: если не знаешь, что делать, начни с того, что можешь измерить. Ника умела измерять длину разрыва, натяжение нити, расстояние между отверстиями в переплёте. Она умела отличить след клея от водяного пятна. Но как измерить отсутствие человека? Как понять, в какой день дом окончательно перестал ждать?

Тринадцать лет назад Элина ушла и не вернулась. В семейном календаре этот день каждый раз приходил снова, хотя его никто не отмечал. Может быть, потому отец и не убирал третью чашку. Может быть, Ника потому и берегла обрывки бумаги: они умели хранить то, что люди старались не произносить.

Сверху послышался короткий металлический щелчок.

Ника снова поднялась к механизму. Маятник замедлил качание. Он ещё двигался, но уже едва заметно. Стрелки на циферблате приближались к без пяти двенадцать — к 11:53. Ника внимательно смотрела на минутную, пока та не остановилась.

Остановилась и часовая.

Ни один зубец не повернулся. Маятник застыл, накренившись в сторону.

Лев взял Нику за руку. Его ладонь была тёплой, чуть липкой от яблочной карамели.

Ника прижала карточку с бумажным обрывком к груди, будто могла уберечь её от ветра, которого в башне не было. Она знала: чинить надо то, что можно проверить. Сначала наблю-

дение, потом предположение, затем осторожная проверка. Так малые неисправности не превращаются в беду.

И всё же порой самая маленькая находка оказывается не причиной поломки, а дверью, которую та приоткрыла.

Часы не двигались. Потом, из глубины неподвижного механизма, донёлся один негромкий удар.

Тринадцатый удар

В тишине холодильник иногда щёлкает так, будто кто-то осторожно коснулся ногтем дверцы. Чайник остывает и вдруг вздыхает. Дом, который весь вечер был просто домом, на секунду становится настороженным: человек замирает, прислушивается, ищет глазами источник звука. И только потом замечает — чашка на столе, батарея, ветер в щели окна. Или не замечает ничего.

Ника знала: в первую секунду не нужно решать, что именно ты услышал. Сначала стоит отделить звук от объяснения. Этому учила её мать. «Назови, что видишь, — говорила она, — а не то, чего боишься». Тогда это казалось игрой. Теперь мать не возвращалась уже три года, и игра стала способом не дать страху первым заговорить за тебя.

После первого невидимого удара Ника стояла на площади и смотрела на часы башни.

Стрелки остановились. Не на красивой, понятной отметке, а между делениями — минутная чуть не дошла до двенадцати, часовая застыла в странном промежутке. В ближайшей тыквенной лампе колыхнулось пламя, хотя ветра не было. Потом на поверхности воды в каменной чаше разошлись круги.

Ника не услышала удара. Но её ладонь, лежавшая на бортике, почувствовала его.

— Я поднимусь, — сказала она.

Лев стоял рядом, натянув шапку почти до бровей. Он был младше всего на четыре года, но умел выглядеть так, будто ему доверили охранять целый город.

— Куда?

— В часовую камеру. Запущу механизм вручную.

— Ты сказала: ждать здесь.

— Значит, жди.

Она произнесла это резче, чем хотела. Лев сжал губы, однако не спорил. Ника направилась к башне, и уже у двери услышала его шаги за спиной.

— Лев.

— Я тоже слышал.

— Там ничего нельзя трогать.

— Тогда я ничего не буду трогать.

— Ты не умеешь ничего не трогать.

— Научусь по дороге.

Ника хотела отправить его обратно, но площадь за их спинами казалась чересчур большой и пустой. Она взяла брата за рукав и втянула внутрь.

Винтовая лестница башни пахла холодным камнем, машинным маслом и старой пылью. Вверх уходили ступени, отполированные ладонями поколений зрителей. Над головой темнел колодец, где звук их шагов поднимался впереди них и возвращался сверху, словно кто-то шёл навстречу.

— Если услышишь что-то странное, — сказала Ника, — не беги.

— А что делать?

— Назови три вещи, которые видишь. Два звука, которые можешь узнать. Одно ощущение в теле. Потом подожди и проверь, что можно проверить.

— Ты так делаешь?

— Сейчас делаю.

Она видела ступени, железный поручень и пыльный квадрат света под дверью наверху. Слышала дыхание Льва и скрип собственных ботинок. Чувствовала, как край ключа впивается в ладонь. Это не объясняло круги в чаше и остановившиеся часы. Но возвращало каждому

из них своё место: ступени были ступенями, брат — братом, страх — только страхом, а не доказательством того, что уже случилось худшее.

В часовой камере было тесно от колёс, зубчатых передач и тяжёлых тяг. За круглым окном город лежал под ними, весь усыпанный оранжевыми огнями. Тыквенные фонари вдоль улиц улыбались резными ртами. На стене висел календарь: сегодняшний лист, последний день октября, загибался в углу от сырости.

Механизм молчал.

Ника сняла защёлку с боковой панели. Она знала, где искать рукоять ручного пуска: под латунным кожухом, за колесом с длинными зубцами. Мать показывала ей это место много лет назад, в один из обычных вечеров, когда часы отставали и взрослые говорили о погоде. Ника тогда следила за материнскими пальцами и думала, что они знают любой секрет, если правильно повернуть ключ.

Теперь она вставила рукоять в гнездо.

— Отойди, — сказала она Льву.

— Я и так далеко.

— Дальше.

Он послушался, но встал так, чтобы видеть её лицо. Ника навалилась на рукоять. Та поддалась с глухим скрежетом. Первое колесо дрогнуло, второе ответило ему, и маятник медленно качнулся. Раз. Два. Снова тишина.

В камере был звук, но не было хода.

Ника повернула рукоять ещё раз.

— Давай, — прошептала она. — Ну же.

Маятник качнулся и замер.

Снаружи часы показывали почти полночь. В городе должны были зазвонить все колокола — сначала башенные, потом маленькие, на домах и лавках. Каждый год люди встречали полночь на площади. В этот раз площадь опустела раньше времени: горожане разошлись по домам, закрыли ставни, будто ночь требовала от них не смотреть.

Ника упёрлась плечом в механизм и надавила. Металл под ладонями оказался ледяным.

— Не дави так, — сказал Лев. — Оно... будто держится.

— Часы не держатся. Они сломаны.

— А если не сломаны?

— Тогда тем более нужно запустить их вручную.

Она не сказала, что боится услышать ответ.

Когда полночь наступила, первый удар прозвучал так, будто колокол ударил не по воздуху, а по самой башне. Оранжевое пламя в ближайшей тыквенной лампе склонилось вбок. Ника почувствовала, как под её ладонью дрогнул поручень.

Второй удар вернулся эхом от окна. Эхо пришло чуть раньше, чем должно было, и Лев оглянулся на дверь, решив, что кто-то поднялся по лестнице.

Третий обрушил с балок тонкую пыль. Она посыпалась на плечи и волосы, будто башня стряхнула с себя старую шкуру.

Четвёртый заставил Нику заложить уши. В груди возникло короткое давление, похожее на ощущение при резком подъёме на гору.

Пятый удар погасил несколько огней на площади — нет, не погасил: пламя в фонарях съёжилось, стало маленьким и неподвижным, как золотые булабочные головки.

На шестом ударе Ника поняла, что больше не слышит ночи. Не свистел ветер, не шуршали листья, не лаяли собаки. Даже дыхание Льва будто исчезло. Оставался только колокол.

Звук распространяется колебаниями — по воздуху, по металлу, по камню. Низкую вибрацию можно не столько услышать, сколько почувствовать телом. А направление звука мозг определяет по крошечной разнице между тем, когда его улавливает правое и левое ухо. Эхо,

резонанс и стены могут обмануть это чувство. Ника знала это. Но знание не возвращало ночные звуки, исчезнувшие после шестого удара.

Седьмой удар заставил большое зубчатое колесо дёрнуться назад на один зубец.

Восьмой — и в круглых оконных стёклах отражение Ники качнулось не в такт её движению. На миг ей показалось, что в стекле она стоит одна.

Девятый принёс металлический привкус. Ника провела языком по зубам и ощутила во рту вкус старой монеты.

Десятый удар отозвался в городе. Где-то под башней звякнули стеклянные витрины. На площади одна за другой задрожали тыквенные лампы.

Одиннадцатый удар качнул тень Льва. Она легла на стену длиннее самого мальчика и на мгновение повернулась к календарю.

Двенадцатый удар завершил счёт. На площади все циферблаты показали полночь. Маятник совершил последний правильный ход и замер, вытянувшись точно вниз.

Ника выдохнула. Почти сразу она поняла, что вокруг слишком тихо даже для паузы после колокола. Не слышно было ни дребезжания металла, ни пыли, сыплющейся на пол. Мир будто ждал.

— Всё? — прошептал Лев.

Ника не ответила.

Раздался тринадцатый удар.

Не громкий — сначала. Скорее, тяжёлый. Он прошёл через железную раму, вгрызся в каменную стену, поднялся по костям Ники и ударил изнутри, так что она не поняла, звучит ли колокол снаружи или у неё в груди.

Металл задрожал. С балки сорвалась пыльная завеса. Стёкла вспыхнули звоном, высоким, тонким, почти прекрасным. А потом исчезли все привычные звуки ночи разом: и колокол, и дыхание, и собственный страх.

Пламя в тыквенных фонарях стало синим.

Не голубым, как зимний лёд, — густым, глубоким, с фиолетовой сердцевиной. На площади разом остановились городские часы. За окном замерли стрелки на башнях, у лавок, на вокзале. Даже маленькие часы на цепочке у Льва перестали тикать. Он поднял их к лицу, потряс, но стрелки не сдвинулись.

Календарный лист на стене раскрутился сам собой.

Ника шагнула между ним и братом.

— Назад. За меня.

— Ника...

— Сейчас!

Она толкнула Льва к лестнице и закрыла его собой. Это было первое, что пришло ей в голову: увести его, прикрыть, не дать подойти к окну и к механизму. Опасность должна была быть в колоколе, в тяжёлых колёсах, в остановившемся маятнике. В том, что можно отодвинуть, запереть, переждать.

Но лист продолжал раскрываться.

Бумага шуршала без звука. На ней проступили чёрные цифры. Ника прочитала дату и сначала решила, что ошиблась: **32 октября**. Такого дня не существовало ни в одном календаре. Октябрь кончался тридцать первым; дальше начинался ноябрь. А здесь, под последним числом, будто всегда было оставлено место ещё для одного.

— Ты видишь? — спросил Лев.

Ника кивнула.

Лист выгнулся наружу. По нему прошла тонкая тёмная линия, от верхнего края к нижнему. Не царапина и не складка: узкая щель, словно бумага была не листом, а дверью, которую очень медленно приоткрывали с другой стороны.

Ника схватила Льва за плечо и потянула назад. Он был живой, тёплый, настоящий. Ей нужно было удерживать его подальше от щели — и всё же взгляд не отрывался от даты.

Тогда она поняла: опасность была не снаружи. Не в башне, не в часах и даже не в тринадцатом ударе. Удар только показал, где календарь перестал быть календарём. Граница проходила по самой странице.

— Ника, — прошептал Лев. — Оно говорит.

Из бумажной щели донёсся голос.

— Ника.

Только имя. Ни объяснений, ни просьбы, ни обещания. Но Ника узнала его сразу — по мягкому выдоху перед первым слогом, по тому, как мать всегда произносила её имя, когда хотела, чтобы она посмотрела в глаза.

Мама исчезла три года назад. Не умерла, как говорили одни, и не уехала, как уверяли другие. Однажды она вышла из дома и не вернулась. Ника не слышала её голоса с тех пор — кроме редких снов, которые утром растворялись быстрее, чем она успевала вспомнить слова.

Она не ответила.

Лев вцепился в её рукав. Синее пламя за окном озаряло их лица, и в стекле они отражались бледными, почти прозрачными. Ника могла бы сказать, что это эхо, ошибка памяти, удачно подражающий голос. Мозг способен заранее угадывать привычные звуки и достраивать знакомый ритм — потому-то шаги в пустом коридоре иногда кажутся шагами того, кого ждёшь. Но здесь были остановившиеся часы, невозможная дата и щель в листе, откуда её мать позвала её так, как никто другой не умел.

Она не знала, что именно услышала. Но теперь знала, где искать угрозу.

В обычной жизни, когда звук пугает, полезно на несколько секунд отложить объяснение: назвать три вещи, которые видишь, два источника звука и одно телесное ощущение; затем проверить время или источник другим способом. Это не отменяет страха и не гарантирует ответа. Просто помогает различить факт и догадку. Ника попробовала и здесь: три вещи — синее пламя, замерший маятник, календарь; два звука — никаких; одно ощущение — пальцы Льва, сжимающие её рукав. Фактов было достаточно, чтобы не притворяться, будто ничего не случилось.

Щель в странице стала шире на толщину волоса.

Ника сильнее притянула к себе брата. На календаре по-прежнему стояло 32 октября — день, которому негде было поместиться в году. Тринадцатый удар давно замолчал, но его продолжение оставалось в бумаге.

Привычный порядок не всегда рушится с грохотом. Иногда ему хватает одного лишнего звука — и одного имени, произнесённого из места, которого не должно существовать.

Трещина на листе календаря

Когда чай остывает, это обычная история. Когда остывший чай снова становится горячим, разум сперва ищет виноватого: плитку, сквозняк, собственную рассеянность. И лишь потом — если повезёт — замечает, что чашка всё это время стояла на холодном подоконнике.

Ника заметила не сразу. Она поставила чай у окна башни, чтобы освободить руки, и стала разглядывать календарный лист. На нём всё ещё значилось тридцать первое октября. Тонкая чёрная линия пересекала бумагу от цифры «31» до нижнего края, будто кто-то провёл пером, обмакнутым в ночь.

После тринадцатого удара башенных часов никто не увидел рассвета. Ночь не стала темнее, не стала светлее — просто задержалась, словно забыла, куда ей дальше. За окнами висело то же беззвёздное небо. На соседней крыше неподвижно торчал флюгер. А календарный лист, который должен был вот-вот перевернуться, чуть заметно вздрагивал под стеклом.

Ника коснулась чашки. Чай был горячий.

Она отёрнула руку и посмотрела на часы. Прошло больше получаса. Лев, стоявший у винтовой лестницы, тоже проверил свои.

— У меня без четверти двенадцать, — сказал он.

На башенных часах было двенадцать минут первого.

Ника протянула ему чашку.

— Попробуй.

Лев осторожно коснулся стенки. Потом посмотрел на календарь и нахмурился.

— Он не мог нагреться сам.

— Согласна. Но пока мы знаем только, что он нагрелся.

Ника сказала это так, будто отмерила две вещи по линейке: наблюдение и объяснение. Разница между ними была тоньше волоса, зато именно на таких волосах иногда держится весь мир.

Они спустились на площадь. За ночь город приготовился к празднику фонарей: у пекарни выложили тыквы, на верёвках покачивались бумажные ленты, в окнах горели лампы в форме звёзд. Всё выглядело знакомо и немного неправильно — как улица на старой открытке, которую достали не из того ящика.

У газетной будки мальчик по имени Юра складывал свежие выпуски.

— Последний номер октября! Все новости до полуночи! — звонко выкрикнул он.

Ника с Львом прошли мимо. Через несколько минут, уже у фонтана, услышали тот же голос:

— Последний номер октября! Все новости до полуночи!

Юра стоял на прежнем месте, у той же стопки газет, и улыбался с той же готовностью. Он будто не произносил эти слова минуту назад.

— Ты слышал? — спросила Ника.

— Да.

— Он повторил фразу.

— Может, у него такая работа.

— Тогда почему именно тем же голосом?

Лев не ответил. Он смотрел на фонарь над аптекой. Тот мигнул: два коротких раза, один длинный, пауза. Потом повторил последовательность.

На площади часы показывали три разных времени. Часы над входом в ратушу — без пяти час. В витрине часового мастера — половину первого. На остановке, над расписанием трамваев, — шесть сорок утра. Все они шли, но каждые по-своему: секундные стрелки перебирали деления с разной скоростью, а потом одна из них вдруг возвращалась назад.

— Если бы просто сломались, показывали бы одинаковую ерунду, — заметил Лев.

— Не обязательно. У часов разные механизмы, разные батарейки, разные настройки, — сказала Ника. — Они и в обычный день могут расходиться. Но не так. И не вместе с календарями.

Она указала на витрину булочной. Там висел листок с тыквой и числом «31». Рядом — настенный календарь, где тридцать первое приходилось на четверг. На дверце аптеки был другой: там последний день октября значился субботой. В ратуше под стеклом хранился старый отрывной календарь. На его листе было написано «31 октября», а внизу кто-то вывел карандашом: «Поставить свечи у фонтана».

Все показывали последний день октября. И каждый — будто собственную его версию: с другими пометками, другими рисунками, другим днём недели.

— Как будто город не может договориться, какой именно день он повторяет, — сказал Лев.

— Или каждый календарь помнит своё, — ответила Ника. — Это уже предположение.

На углу пекарь Аркадий вынимал из печи противень.

— Опять тыквенные булочки! — крикнул он Нике. — Праздник же сегодня. Заходите потом, пока горячие!

Он выглядел вполне довольным. На вопрос, не кажется ли ему странным, что ночь не заканчивается, Аркадий только рассмеялся:

— Осенью темнеет рано. А булочки от этого хуже не становятся.

У остановки женщина в синем пальто несколько раз сверилась с часами на телефоне. Потом набрала чей-то номер и сердито сказала:

— Я уже час жду трамвай. Нет, не опоздала — он просто опять не пришёл!

Она нервничала, но не выглядела напуганной. Для неё происходящее было неисправностью транспорта, не разломом во времени.

Совсем иначе держался пожилой смотритель фонтана. Он пытался перевести часы на наручном браслете, но пальцы дрожали.

— Утром первого числа я должен открыть ворота, — пробормотал он. — В прошлом году я забыл. Больше не забуду.

Он повторял, что утро обязано наступить, и каждый раз, произнося это, поглядывал на башню. На последней фразе Ника увидела, как он сжал пальцы, словно хотел удержать невидимую стрелку.

Она не стала его поправлять. Пока она знала только, что люди по-разному объясняют одно и то же: пекарь — погодой и праздником, пассажирка — расписанием, смотритель — собственным обещанием. Город продолжал заниматься делами. И, кажется, не замечал, что дела эти уже происходили.

У башни Ника остановилась перед календарным листом. Лев принес из мастерской лист прозрачной бумаги и два карандаша.

— Ты собираешься чертить прямо по нему? — спросил он.

— Нет. Сначала посмотрим.

Ника закрепила прозрачный лист на стекле, закрывавшем календарь, и отметила карандашом оба конца чёрной линии. Потом они отступили на шаг и молча смотрели на календарь. Прошла минута. Ничего не изменилось.

Ника записала: «Линия не растёт, пока мы наблюдаем молча».

— Это не значит, что наблюдение ни при чём, — сказал Лев.

— Верно. Но это значит, что мы пока не видим, как именно оно связано.

Она попросила Льва сказать, что он видит. Он ответил: лист старый, линия чёрная, нижний край немного загнулся. Ника повторила те же слова. Календарь не шелохнулся.

Тогда она сказала:

— Завтра должно наступить утро.

Чёрная линия осталась на месте.

Ника помедлила. Ей не хотелось проверять следующую мысль: если ошибка случится, она может стать больше. Но не проверять — тоже решение. И не всегда безопасное.

— Первое ноября должно наступить сейчас, — произнесла она.

Линия дёрнулась.

Не сдвинулась на целую клетку, не расколола стекло. Просто продвинулась на толщину волоса, будто бумага под ней вдохнула. На прозрачном листе метка, обозначающая конец трещины, теперь стояла чуть в стороне.

Лев побледнел.

Ника не убрала карандаш.

— Ещё раз, — тихо сказала она. — Только не как требование. Просто произнеси дату.

— Нет.

— Понимаю. Не надо.

Она отметила новое положение линии и приписала рядом: «После произнесения даты край сместился. Один случай. Причина не доказана». Затем зачеркнула слово «после» и написала: «Одновременно с произнесением». Ника не хотела притворяться, будто знала больше, чем видела.

Они проверили ещё раз. На календарь смотрели по очереди. Молчали. Ничего. Лев сказал «следующий день» — ничего. Ника назвала дату — линия снова потянулась к нижнему краю. Теперь оба конца чёрного разлома были ясны: он начинался у цифры «31», а заканчивался у перфорации, где лист отрывался от календаря. На следующем листе, чуть видневшемся снизу, стояло первое число нового месяца. Чёрная линия не перешла на него.

— Значит, ей нужна именно дата, — сказал Лев.

— Похоже на то.

— И если не называть её, трещина перестанет расти.

Ника посмотрела на прозрачную бумагу, на две отметки, на календарь. Ей очень хотелось согласиться. Это было бы хорошим, простым правилом: молчи — и всё останется целым.

Но на площади снова выкрикнул Юра:

— Последний номер октября! Все новости до полуночи!

Ника посмотрела на башенные часы. Минутная стрелка стояла там же, где прежде. На улице всё так же не светлело.

— Мы остановили трещину, — сказала она. — Или, по крайней мере, перестали её дёргать. Но ночь от этого не кончилась.

Это была первая ошибка, которую она успела заметить в собственном выводе. Наблюдение подсказало, что усиливает разлом, но не ответило, что удерживает ночь. Между тем, что раздвигает трещину, и тем, что не даёт календарю перелистнуть, могла лежать целая бездна.

У Ники в кармане нашёлся маленький блокнот. На первой странице она записала три строки:

«Что я вижу: чёрная линия удлиняется после произнесения даты».

«Что я предполагаю: попытка заставить время перейти дальше питает разлом».

«Что нужно проверить: может ли ночь продолжаться, если никто не называет дату».

Она показала записи Льву.

— Это твой план?

— Это пока только способ не перепутать план с ответом.

В обычной жизни такой порядок тоже помогает. Если автобус опаздывает, не обязательно сразу решать, что отменили весь маршрут: можно записать время, остановку и то, что показывают часы. Если в разговоре снова и снова возникает одна и та же ссора, полезно отделить

точные слова от догадки о чужих намерениях. Сначала — факт. Потом — возможное объяснение. Затем — маленькая проверка.

Нике вспомнилось, что человеческий организм живёт по внутренним ритмам, близким к суточным. Утренний свет помогает синхронизировать их. Но здесь свет не приходил, а стрелки на площади спорили между собой. Календарь был способом договориться о днях; часы — способом договориться о часах. Ни то ни другое само по себе не объясняло, куда делось утро.

Практика наблюдателя

Если вы замечаете повторяющуюся странность — в распорядке, разговоре или собственных реакциях, — попробуйте провести короткую проверку:

1. Запишите только то, что можно увидеть или услышать. Например: «Трижды за час я проверил телефон», а не «Я совершенно не умею сосредоточиться».

2. Отдельно запишите своё объяснение. Пометьте его именно как предположение.

3. Выберите один небольшой вопрос, который можно проверить без риска.

4. Повторите наблюдение и отметьте, что изменилось. Неудачная проверка тоже полезна: она показывает, чего вы пока не знаете.

Смысл не в том, чтобы немедленно найти ответ. Смысл — не позволить первому ответу притвориться единственным.

Ника закрыла блокнот. На календарном листе трещина замерла у самой перфорации. Её границы были видны. Причина — нет.

— Что теперь? — спросил Лев.

— Теперь проследим, повторяется ли ночь. И выясним, кто или что не даёт ей закончиться.

Он снова посмотрел на площадь. У фонаря аптечного окна мигнули два коротких огонька, один длинный — и пауза.

В башне лист больше не дрожал. За окнами не светлело. Ночь осталась на месте, но Ника уже знала: у странности есть край, если не торопиться отодвигать его силой. А за краем начинался вопрос, на который календарь ответить не мог.

Ника не стала искать ответ силой. Трещина не объясняла, что произошло, но показывала, где искать: в повторяющихся приметах, которые легко принять за случайность, пока не увидишь их снова. Значит, странность можно исследовать — если не торопиться возвращать всё на свои места.

Ночь не кончилась, но теперь у неё были края и приметы: неподвижный лист, три огонька у аптечного окна, темнота за окнами башни. Если всё повторится, они будут знать, с чего начать. А если повторится сама ночь, придётся выяснить, что удерживает её на месте и почему утро не приходит.

Ночь, которая не кончалась

В незнакомой больнице ночной коридор легко принять за петлю. Вы идёте к автомату с водой, сворачиваете за угол — и снова видите одинаковые двери, одинаковый свет, одинаковую табличку «Выход». Минутная стрелка на часах движется, но время будто застряло между двумя шагами. Обычно достаточно найти окно, спросить дежурную медсестру или просто остановиться и свериться с указателями. Но в ту ночь ни окна, ни указатели не могли объяснить Нике, почему все дороги возвращают её к башенной площади.

Тринадцатый удар ещё дрожал в камне, когда она схватила Льва за рукав.

— На север, — сказала она. — Не будем ждать, пока часы передумают.

Брат не спорил. Он только посмотрел на башню. На циферблате стояли стрелки: короткая у двенадцати, длинная у тринадцати. Такого деления там не было вчера. Или было, но Ника не заметила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.